НОВАЯ ГАЗЕТА

РЕПОРТАЖИ • ОБЩЕСТВО

Горячее рваное железо

Репортаж из окрестностей Алешек

Дети играют на неработающих атракционах. Фото: Лидия Брик

11:37, 31 октября 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

Села левого берега Днепра Херсонской области уже несколько лет остаются без света, связи, газа. Дороги к некоторым засыпаны минами. Дроны сжигают машины, которые пытаются туда проехать. Выезд за продуктами смертельно опасен. Но голод заставляет людей идти. Выбравшимся никто не помогает, кроме нескольких волонтеров.

Имена жителей сел и беженцев изменены в целях их безопасности

Дедушка с красными обветренными руками поднимается по высоким ступенькам старого автобуса. В руках у него черная сумка с буквами «БМВ». Это единственный автобус, который раз в день ходит от поселка Каланчак до села Великие Копани. Все остальные рейсы из всех других сел туда отменены. Дорога слишком опасна. Но этот автобус ездит. Ехать еще дальше до Раденска — села в 23 километрах от города Алешки невозможно. Слишком много мин и дронов. Четырнадцатого октября Раденск атаковали сорок беспилотников. Автобусы в Раденск не ходят с сентября. Редкие машины доезжают чудом. В сумке у дедушки гречка, макароны, хлеб.

Спрашиваю дедушку, не страшно ли ему ехать в Великие Копани?

— Та я еще дальше, в сторону Алешек еду.

Дедушка живет в селе Казачьи Лагери. Пока не знает, как преодолеет 25 километров от поселка Великие Копани. Может, знакомый довезет, может, пойдет пешком.

> — Света нема уже четыре года, — говорит он, — продуктов нема с весны. В Раденск ходим. Кто доходит, кто взрывается. Бабушка 85 лет ездила на мотоблоке. Говорит, больше не поедет.

В селе Казачьи Лагери живут 202 человека. Прилеты там каждый день.

Дедушка рассказывает, что дом его почти разрушен.

— Всё разбили. Крышу разбили. Пекарня маленькая была, тоже разбили. Магазины пустые. Я вина трохи наделал, меняю на еду у кого есть. Крынки с землей сровняли, теперь и нас ровняют. В Крынках вся земля солдатиками загиблыми покрыта.

Крынки — село в девяти километрах от Казачьих Лагерей. Здесь жили 990 человек. В 2024 году восемь месяцев Крынки атаковали дроны и артиллерия, падали авиационные бомбы.

Беженец из Алешек. Фото: Лидия Брик

Дедушка рассказывает, что баллон газа стоит теперь 15 тысяч рублей. Раньше можно было купить за полторы тысячи. Такие деньги найти невозможно. Готовить не на чем. Он приезжал в Каланчак в надежде получить компенсацию за разбитую крышу. Пока у него приняли документы.

— Дедушка, — прошу, — не возвращайтесь туда.

— Я с дома своего не уйду, — говорит он, рука его чуть дрожит. — Не могу дом бросить.

Птицы в сетке

Автобус сильно трясет на разбитой дороге. Блокпосты как будто сгущаются из утреннего тумана в серый камень. Пахнет гарью.

— Та, може, сжег за ночь дрон чего, — говорит дедушка.

В перелеске у дороги черный остов сожженной машины.

— За месяц тут по дороге шесть сожгли, — рассказывает дедушка, — в трактор попало. Тракториста разорвало.

Лицо водителя автобуса морщинистое и улыбчивое. Он машет женщине, которая заходит на остановке.

> Над дорогой тянутся противодроновые сетки. Туман повисает на них тяжелыми каплями. В сетках путаются и умирают птицы. Их высохшие маленькие тела с распластанными крыльями впитывают влагу из тумана.

За окном — поле увядших черных подсолнухов. У дороги в нем еще одна сгоревшая машина.

Женщина, которая зашла в автобус на остановке, разговорчивая. Она занимается вывозом мусора в Алешковском районе.

— Работаем, но только до Раденска. Там очень опасно уже. Но договоры заключены, мусор вывозим.

Женщина рассказывает, что уезжают из сел здесь в основном молодые.

— А мы куда поедем? Как бросим свои дома? Где и кому мы нужны?

Женщина очень хвалит роддом в городе Скадовске.

— Очень хорошие врачи там, — улыбается она. — И у нас за *** так много деток родилось.

— Тут у Михайловке машина под дрон попала вчора, — говорит водитель, — жинку убило. Чоловику (*мужчине.* — **Ред.**) ногу оторвало.

— Ужас! — восклицает женщина.

Автобусная остановка в селе. Фото: Лидия Брик

На блокпосту автобус останавливают. Над нами «Хорнет», надо подождать.

Мимо проезжает бронированный микроавтобус уазик. По дороге едет дедушка на велосипеде и девушка на мопеде в шлепках. Обугленные стволы деревьев в тех местах, где дроны подожгли машины, похожи на сгорбленные черные фигуры.

— А эта наша девчонка безбашенная, — кивает женщина девушке на мопеде, — она на рынке в Копанях убирает. Там

раньше был большой мясной рынок. Сейчас мало торгуют. Там прилеты постоянно.

Я выхожу в небольшом поселке. Покореженная дронами телевизионная вышка. Посеченные осколками ворота частного дома. Кирпичное здание, окна которого разбиты снарядами. Рабочие заканчивают выкладывать красивой кирпичной плиткой новую аллею. В селе нет света и связи уже четвертый месяц. Бензин для генератора стоит 200 рублей.

Здесь в летней кухне маленького дома на кровати лежит женщина Наталья. У нее осколок в глазу, минно-взрывные ранения ног, рук, живота, контузия, сотрясение мозга, у нее почти не работают почки. Раны на животе, опухшие ноги. Наталья не может ходить. Хозяйка дома кормит ее супом. Женщина ест и не может остановиться. Через полчаса после еды она тихонько вздыхает, потом стонет. У нее начинает сильно болеть живот. Женщина отвыкла от еды, и теперь ей нельзя сразу много есть.

— Ферменты, може, яки пищеварительны потребны, — говорит хозяйка.

Беженка из Алёшек. Фото: Лидия Брик

Наташа пришла из Алешек четыре дня назад. В Алешках попала под обстрел, ранение глаза, ее привезли в городскую больницу. Глаз зашили, но осколок достать не смогли, нет рентгена. В больнице, как Наташа рассказывает, выяснилось, что она на шестом месяце беременности. Она решила, что нужно выходить из Алешек. Наташа шла два дня до Раденска. Ночевала в пустой летней даче. По дороге рядом взорвалась мина. Ноги посекло осколками. В Раденск она пришла босая. Оттуда ее привез знакомый в этот поселок на мотоблоке.

Она пришла к администрации поселка.

— Мы ее к женщине, которая принимает людей с Алешек, отправили, — объясняет сотрудница администрации.

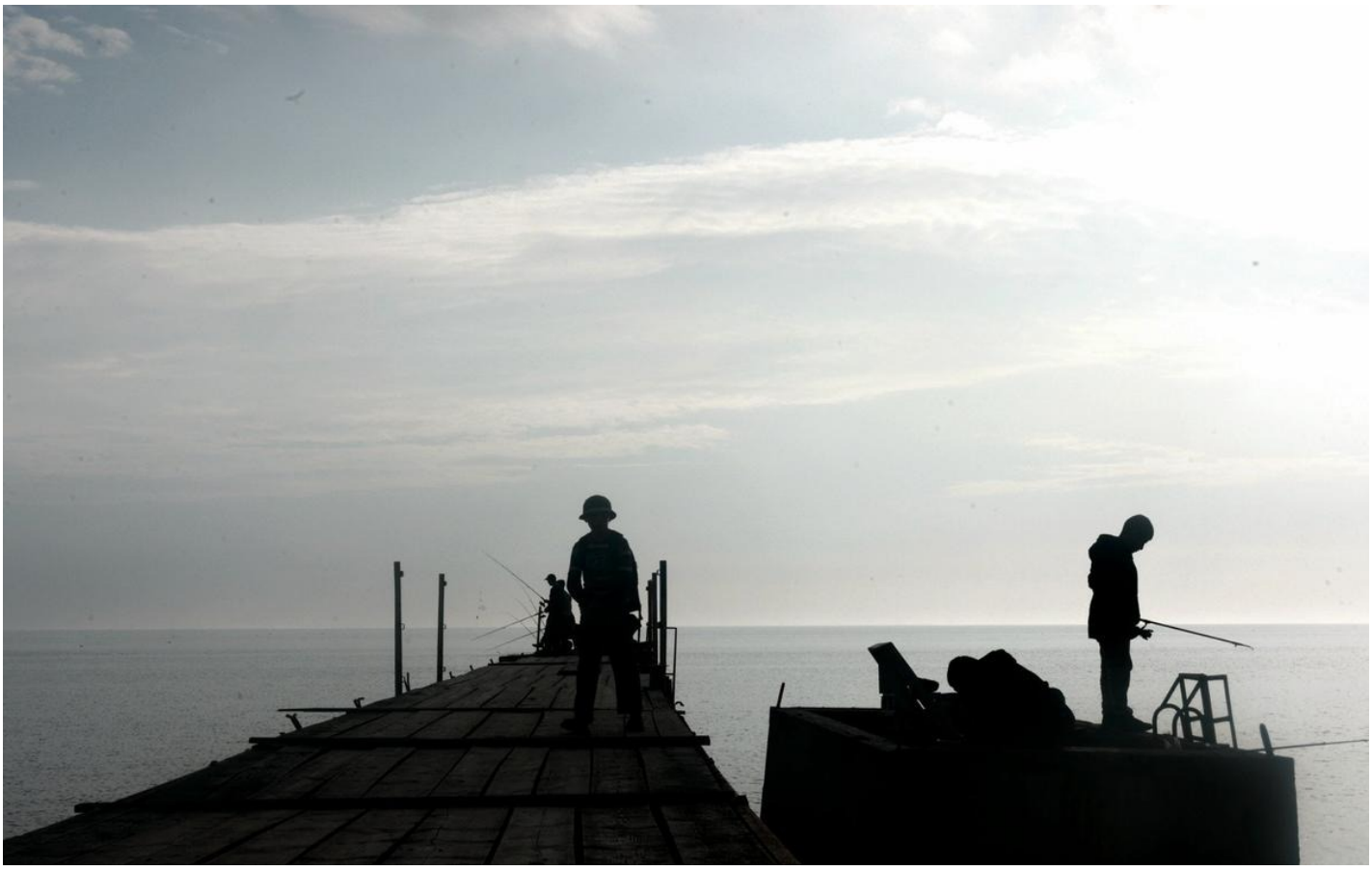
Наташа первый день не могла говорить, только стонала. На этой летней кухне много мух. Она отбивается от них хлопушкой. Наташу ищет полиция, потому что она не встала на

учет после выхода из Алешек.

— Мне всё снятся те кошмары, — всё, что она говорит о том, как жила в Алешках и выбиралась оттуда. Наташа гладит живот, которого совсем не видно.

— Не знаю, может, мальчик, может, девочка, — говорит она.

В ближайшую больницу города Скадовска Наташа ехать отказывается. Кричит и плачет, бросает в нас тем, что есть под рукой. Говорит, что никуда не поедет, пока не придет из Алешек отец ее ребенка.

Набережная в Скадовске. Фото: Лидия Брик

Выхожу купить продуктов для Наташи.

Сгорбленная бабушка с палочкой подзывает меня от ворот.

— Вы военный человек?

— Нет

— У меня во дворе дрон упавший лежит. Может, кто-то его заберет? Бо мени страшно.

Хозяин этого дома Владимир показывает осколки разорвавшегося недалеко снаряда.

Это длинные рваные куски железа с очень острыми краями.

— Подивись, чого вже прилитае. Ти знаеш, от чого це осколки такого розмиру? А я тоби скажу. Це снаряд от миномета. Их вже дрони приносят. Дивись, яки огромны! Они летять гарячие и розрязают людину на шматки.

Осколки от разорвавшегося снаряда. Фото: Лидия Брик

Остатки дрона «Баба-яга». Фото: Лидия Брик

В соседнем доме нет стекол, они затянуты пленкой. Здесь раньше селили беженцев из Алешек. Им пришлось переселиться в другой пустующий дом, тут больше жить невозможно. «Баба-яга» (тяжелый дрон) прилетела во двор.

Владимир показывает на темные пятна на ковре, который висит на заборе.

— Солдатик здесь загиб. Кровь осталась. Ховался за хатой, но дрон его знашел.

Золотой хлеб

В селе Виноградово пастор Александр Колотун пек хлеб. Пока было возможно, его возили и раздавали в Алешках, потом в Раденске.

Елена помогала в этой пекарне. Она сама из Алешек. Выехала во время наводнения. Ее дом в Алешках разрушен. Ее родные и знакомые остались там.

Елена включает послушать голосовое сообщение от подруги из Алешек. Она благодарит ее за отправленный в голодающий город хлеб.

— Какие вы умнички, молочиночки. Хай бог вам помогает. Здоровица вам, вашим детям, внукам. Спасибо вам за хлибчек. Думаем — боже, у нас хлибчик есть на неделю. Капец какой-то. Понимаешь, в наше время люди мечтают о хлибчике. А як пахнет. Пусть вас боженька благословляет.

Елена показывает фотографии румяных кирпичиков хлеба.

— Бачьте, яки хлеб красивый.

Фото: Лидия Брик

Седьмого октября дрон взорвал машину на Мелитопольской трассе. В ней находился пастор Александр и его 15-летняя дочь Анна.

— Тысячу буханок хлеба в Раденск возил, — говорит Елена, — За счет этого хлеба старики там жили. Там связи нет, света нет. У бабушек генераторов нет. Они по привычке пришли, а хлеба нет. Тяжело старики это пережили.

Елена постоянно на связи с родными в Алешках.

— Там сейчас очень много людей, — говорит она. — Только деток, может, двести. И люди с детьми боятся выходить. Много лежачих, маломобильных. Кроме того, они слабые, они не едят достаточно. Есть семьи, которые давным-давно забыли, что такое хлеб. Пишут, нам хлеб пахне днем и ночью.

До Нового года гуманитарную помощь в села по левому берегу еще привозили волонтеры. После Нового года всё меньше. Четыре месяца никто не может проехать вообще.

> В августе от голода люди стали выходить по заминированной дороге в Раденск. Выходят по этой дороге смерти не только из Алешек — из Казачьих Лагерей, Челбурды, Новой Маячки…

Елена постепенно переходит на украинский язык, потом опять на русский, затем на суржик, потом снова на украинский. Она рассказывает, что сейчас очень тяжко в этих селах. Много людей с минно-осколочными ранениями. Морг в Алешках не работает.

— Тела рядышком с ним в пакетах складывают

Люди, кто может, ходит до Раденска за едой. Есть те, кто ее перепродает. Сейчас — килограмм картошки в Алешках стоит 1500 рублей. Кабачок 800 рублей штучка, газовый баллончик тысяча рублей, пачка сигарет тысяча рублей, килограмм сахара тысячу рублей.

— До Раденска идут — гибнут, и обратно идут — гибнут, — говорит Елена. — Раненых и мертвых довозят на тачках. Еду, которую загибшие купили, приносят семье, если знают, кому, или распределяют между собой. Ну люди без отопления, газу и свету четыре года. Год без еды почти. У людей порушена психика. Сильно-сильно. Агрессия, кричат, идут не знае куда. Ну если нема исти, нема питти…

До недавнего времени люди делились едой. Несколько домов объединялись и варили борщ на всех, делили поровну и ели.

— Сейчас на воротах кругом пишут: нема исти, нема воды и нема ничего. Ну пишут, чтобы во двор не заходили, бо все равно ничого нема. Те запасы, яки були раньше в подвалах — закатка, так всё воно давно позаканчивалось. Либо завалены те подвалы от снарядов.

Тридцатого октября в Алешки должна зайти колонна с гуманитарной помощью и начать эвакуацию людей через Крым в сторону Украины. Сейчас люди записываются на эвакуацию в больнице.

— Боятся люди, не верят, что заберут, — говорит Елена. — В августе же обещали уже эвакуацию. А не договорились, куда людей эвакуировать. И вони по минам за едой пошли. Но люди надеются — от мин дороги трохи расчистят, шоб дорога хоч яка була.

На выступе фундамента дома гипсовая булка хлеба, покрытая облупившейся позолоченной краской. Такие раньше продавали

в Алешках как сувенир.

Гипсовая булка хлеба. Фото: Лидия Брик

По дороге едет женщина на мопеде. Она не может ходить. У нее не сгибается нога. В первый день *** на Антоновском мосту, который соединял Херсон и Алешки, в машине погибла вся семья.

— Нам сказали внучку из садика забирать. Мы забрали, ехали, сначала по мосту не пускали, потом пустили, а мы последние уже ехали. Начали стрелять в нас. Зразу окна у нас молочные стали. Я не знаю, чем они стреляли. Дочка на ногу мени падае, а нога у меня, смотрю, перебита, чоловик мой кричит, я внучку хочу взять, а ее как немае там, только пальто. Чоловик дверь открыл и выпадае, я тоже выпадаю в кювет. И всё, и сынок потом помер, не выдержал этого. У меня такий сын хороший был, человик хороший был.

Эта женщина очень долго добивалась пенсии по инвалидности. После того, как ее назначили, общая пенсия почему-то не увеличилась, а уменьшилась — была 16 890, стала 15 300 рублей. В выплатах за гибель родных ей отказали, потому что на момент смерти у них не было российского гражданства.

Мы с Еленой сидим на автобусной остановке. Под крышей шуршит черный пакет с надписью «БМВ». Кто-то его здесь подвесил. Мальчик катается на велосипеде. Автобус долго не едет.

— Дроны, може, задержали, — объясняет Елена. Она показывает фотографию: длинный стол тянется через всю комнату, он уставлен едой.

— Вот так мы раньше жили, — говорит она, — эвакуировать нужно ж не только Алешки. Голая Пристань (*население до войны 16 тысяч человек. —* **Ред.**), Дачи (*остались в основном старики. —* **Ред.**), там таки самый голод. Много раненых. Вывезти их не могут — мины. В самом Раденске всё очень плохо уже с едой тоже. Може, им хоть продукты привезут?

Здание бывшей гостиницы в селе. Фото: Лидия Брик

Елена рассказывает, что первый раз приехала в Алешки после наводнения весной 2024 года. Показывает фотографии своего разрушенного дома.

— Я тогда на берег пришла. Ну после зимы. Так весь берег в телах, — Елена плачет, — з подо льду выийшли загиблые солдатики, коровы… А тепер люди в Алешках и дальше в селах без еды сидять, може, рок (*год.* — **Ред.**).

По дороге обратно в Скадовск вижу сгоревший армированный уазик на поле черных подсолнухов. Он очень заметен, потому что не почернел, а стал рыжим от огня.

Еда нужна любая

Скадовск — город у моря. Центр района. До Алешек отсюда 70

километров. В Скадовск залетают беспилотники, часто звучит сирена, отключают свет и воду. Комендантский час с 11 вечера до 4 утра. Но по сравнению с селами на левом берегу тут тихо. Продают чебуреки и рогалики. В кофейную палатку, где можно взять раф и флэт уайт, очередь.

Сюда стекаются беженцы из голодающих сел. У Ильинского храма раздают гуманитарную помощь. Три дня в неделю одежду, раз в месяц продукты — крупу, сахар. Сейчас раздают одежду. Очередь — пятнадцать человек.

— Какая помощь вам нужна? — спрашивает женщина на раздаче. — Еды нет!

Склады храма пустые.

Ильинский храм. Фото: Лидия Брик

— Еда любая нужна нам, любая! — объясняют в храме. — Люди приходят с левого берега без денег, без ничего, им нужны

продукты. Двести наборов мы раздаем за два дня. У нас только с Голой Пристани 500 подопечных. Лежачих у нас 250 человек. Памперсы для взрослых очень нужны.

Пожилая женщина Надежда Ивановна пришла сюда за теплыми вещами. Она выехала с мужем из Алешек несколько месяцев назад, когда еще было возможно выбраться на машине.

— В этом месяце продукты даже не выдавали, — говорит она. Все пенсия у нее уходит на съем жилья и лекарства. Молодая женщина заглядывает в ворота храма.

— Так тут нет же ничего. Чего вы стоите?

Пожилой мужчина ищет продукты. Он с женой выбрался из Алешек неделю назад.

— По ранению ничего не платят, — говорит он. — Опоздали, нужно в течение года его регистрировать в Каланчаке. А как мы могли это сделать? Она сначала в больнице в Алешках лежала, а потом выехать нельзя было. Говорят, езжайте на комиссию в Каланчак, потом в суд обращайтесь. Она почти не ходит. Всем плевать!

Гуманитарная помощь у Ильинского храма. Фото: Лидия Брик

Игорь и его жена Елена Сергеевна живут в летнем домике без отопления. Их сюда пустил знакомый.

Елена Сергеевна хрупкая бабушка, ей 76. Она лежит на кровати. Укрыта двумя одеялами. В ногах у нее много осколков.

— Они как камешки, — говорит она, — извлечь их никак невозможно.

Елена Сергеевна была ранена в Алешках. Три осколочных ранения.

— Дрон меня ударил. Такая дырка в ноге. Я рукой ее закрывала. И там земля с кровью хлюпала.

Муж на тачке отвез ее в больницу. Она провела там несколько месяцев. Елена Сергеевна рассказывает, что четыре последних месяца они голодали. Ели траву. Тушили ее и мариновали. Она

похудела на 15 килограммов. После того, как дрон поджег их дом, решили выходить.

Шли 20 километров пешком и толкали перед собой тачки с вещами. Соседки, которые выбрали другую дорогу, подорвались на минах.

— Идешь и смотришь, какой снаряд лежит, где еще эти маленькие штучки мины, всё как в тумане. Там выходили после две женщины. Одна насмерть подорвалась, а второй ноги оторвало.

Елене Сергеевне и Игорю назначили минимальные пенсии. Потому что нет документов, подтверждающих их стаж.

— Как жить, не знаю, — говорит женщина, — без отопления, и свет тут отключают, и воду…

Игорь говорит об эвакуации.

— А Голую Пристань они будут вывозить, а Збурьевку? Там все такие села несчастные. Там во всех селах много бабушек, которые никуда не выходят. Они ослабленные — они могут даже не знать об этой эвакуации. Они там с голоду помирают. А сюда нам гуманитарную помощь привезут? Хоть продуктовые наборы какие?

Жетон на шее

Наташу помогают отвезти в больницу в Скадовск волонтеры. Беженцами занимаются несколько добровольцев. Они вывозят людей, дошедших до Раденска дальше. Ездят с жетонами на шее, чтобы опознали, если машина подорвется на мине. Или ее сожжет дрон. Люди приходят в Раденск истощенные, грязные, босые, в синих, заживших ранах от осколков.

Выбравшихся из голодающих деревень подбирают

сердобольные люди. Это пожилые женщины. Они спасают людей на свои крошечные пенсии.

Почему не помогают местные власти?

— Ну мы же не уполномочены, — разводят руками в администрации, — нам никто не давал такие полномочия.

Людям нужно жилье, одежда, лекарства, одеяла, тепло… Волонтеры селят их в свободные дома. Часто это летние дачи без отопления. Некоторые не хотят ехать дальше Раденска. Потому что в Алешках остаются лежать у морга тела их родных. И они никуда не поедут, пока их не заберут.

Гуманитарная помощь у Ильинского храма. Фото: Лидия Брик

Волонтеры вывозят 10 котов из деревни Великие Копани. Котов туда принесли из Алешек. Коты сначала ехали в коробках. Но по этой дороге нужно ехать очень быстро — 190–200 километров в час, чтобы не попасть под дроны. Котам страшно от скорости.

Они вылезли из коробок. Начали драться между собой, лезть под педали.

— Я четырех держу, — рассказывает волонтер. — Водитель рыжего кота к себе одной рукой прижимает, другой рукой рулит. Еще пять котов бегают по машине, орут. Беспилотник летит, останавливаться нельзя. Доехали к больнице в Скадовске все в шерсти.

Как рассказывают волонтеры и местные жители, в такой ситуации, как Алешки, многие села на левом берегу Днепра. Об этом волонтеры писали обращения в международные организации. Самая тяжелая ситуация в городе Голая Пристань, селах Кардашинка, Солонцы, Саги, Песчановка, Подлесное, Казачьи Лагери, Корсунка, Новая Маячка, Челбурда. В них живет около 15 тысяч человек. Объявленная зона эвакуации — 15 километров вокруг Алешек. В нее попадает часть этих сел. Но информации, когда будут забирать жителей оттуда и как, нет.

Дроны везде

Сергей Алексеевич привез из Голой Пристани в Скадовск дочь в роддом. В Голой Пристани нет света, газа и воды около двух лет.

— К нам такая дорога… — говорит он, — одни битые машины. Не знаешь, как объехать. Едешь и не понимаешь, доедешь или нет.

Мужчина рассказывает, что продуктовые наборы к ним привозят раз в месяц. Такие наборы в начале *** были в гуманитарной помощи. Их раздавали бесплатно. Теперь продают. Сначала пакет стоил 150 рублей, потом 250, теперь 500 рублей. В нем крупы и сахар

— Редко привозят, потому что доехать к нам большой риск. У кого деньги есть, тот продукты себе купит, у кого нет, значит

нет.

Рынок в Голой Пристани разбит. Люди собираются на остановке и продают те продукты, которые у них остались. Хлеб стоит 250 рублей, яйца триста. Есть те, кто покупает и, рискуя жизнью, едет перепродавать в Алешки на тысячу рублей дороже.

— У молодежи вообще денег нет, работы же нет, — говорит он. — У нас пенсионеров хоть пенсия есть.

Гуманитарная помощь у Ильинского храма. Фото: Лидия Брик

Сергей Алексеевич рассказывает, что удары БПЛА в Голой Пристани каждый день.

— К нам какие-то новые беспилотники прилетают — по 4–5 снарядов сбрасывают. Под кроватями прячемся. Дом без окон у нас, повылетали окна от взрывов, забиты фанерой. У нас можно идти по городу и взорваться на мине. Они везде разбросаны, их не видно. В Скадовске в больнице периодически нет

электричества. Ребеночек что-то не хочет в этот мир выходить. Мы говорим ему, что пора. Но он как-то не торопится.

> В поселке между Алешками и селом Казачьи Лагери люди едят сухое молоко, орехи, грибы. Там очень много пожаров от прилетов. Их тушат сами. Погибших хоронят как могут.

— Разорвало на минах соседа, — рассказывает местная жительница. Мало чего от него осталось, голову не нашли. Одни только ребра, ногу и руку. Все поместилось в пакет «БМВ». Похоронили его.

За три года волонтеры передали местным жителя тысячу санитарных пакетов для тел. И они уже кончились.

Дроны появились в Херсонской области одними из первых. Сразу после наводнения — в 2023 году. Если раньше, чтобы заминировать дорогу, нужны были люди, теперь мины разбрасывают дроны. У *** больше нет понятной логики. Раньше 15 километров от линии фронта считались красной зоной — зоной осколочного поражения, сейчас это устаревшее понятие. Пастора Александра убило в 125 километрах от линии соприкосновения.

— Дроны везде, — говорят местные. — И ты не понимаешь, когда и куда прилетит.

Нет гуманитарных миссий

Покупаем на рынке Скадовска одежду для Наташи. Продавец из села Збурьевка. Его дом там разрушен, дочь погибла.

— Дочери 27 лет было. Мать там осталась, в Збурьевке, —

говорит он. — Ну нема там тоже продуктов, когда привозят, когда не. Ну живут. Тысячи четыре человек живут. Маме 75, на палочках еле ходе. Газа нема, света нема пятый год. Ни в Голой Пристани, ни у нас нема… За гуманитарную помощь… ой я не верю в эти в сказки. Кто кого жалеет? Никто никого не жалеет. Фуры к нам будут ехать с гуманитаркой по тем минам… Ой не смешите. С Крыма не могут к нам фуры приехать. Не нужны ж люди никому.

В Скадовске по пляжу вдоль моря гуляет мама с малышом. У малыша в руках зеленый шарик. Он изо всех сил прижимает его к себе.

— Аккуратно, лопнет, испугаешься, — говорит мама.

Слышен отдаленный громкий взрыв. Сбили беспилотник. Ребенок не пугается. В сияющем на солнце море плавают три белых лебедя, у берега медузы. Их купола в воде напоминают пластиковые мины. Но внутри них бледно-красной нитью пульсирует жизнь. На лавочке мужчина слушает озвученный нейросетью текст: «…возврат к идее русского мира, как альтернативной цивилизационной модели, как предсказывал Жириновский… Если каждый человек 2026 года хотя бы задумывается о том, что происходит, почувствует себя внутри процесса…»

Больница в Скадовске. Фото: Лидия Брик

Рядом с больницей полуразрушенное здание с выложенной плиткой надписью: «Да здравствует мир и дружба между народами». К больнице привозят раненых. Они обожжены, у кого-то нет конечностей.

Селам на левом берегу нужны продукты, газовые баллоны, генераторы, медикаменты… Людям, которые вышли оттуда — это сотни человек, — нужно теплое жилье и еда. Но большие гуманитарные организации не приезжают в Херсонскую область.

И люди не верят, что когда-нибудь гуманитарная колонна поедет к ним мимо горящих машин, взорванных мостов, свалки сожженных дронами автомобилей, мимо бесконечных полей увядших подсолнухов. Черные, склонившие головы цветы тянутся до горизонта. Как свечи, поставленные за каждого

убитого в этой ***.

Елена Новикова

P.S. **С 27 октября в селах наступает тишина. Действует режим прекращения огня. Готовится эвакуация людей из Алешек. Впервые за четыре с половиной года не слышно взрывов, стрекота оружия мобильных огневых групп, которые сбивают беспилотники, зудящего жужжания дронов… Вот так на пять дней просто выключили ***. Оказывается, это возможно.На большой рынок в село Великие Копани люди приезжают из Алешек, Казачьих Лагерей, Челбурды, Подлесного на тракторах и мотоблоках. Они выехали впервые за пять месяцев за продуктами — как только разминировали дорогу.Мужчина средних лет приехал на тракторе из Казачьих Лагерей. На тракторе белая надпись «Люди». Он покупает картошку.— Улица, которая на берег выходила, у нас вся снесена, — говорит он, — мы еще живем. Я уезжать не собираюсь. Я этот дом своими руками построил. Я в нем умру.Некоторые не хотят уезжать и из Алешек.— Лучше умереть в своем доме, — говорят они.Волонтеры отчаянно уговаривают их ехать.Тридцатого октября с 9 утра рядом с больницей в Алешках собираются люди. Из села Подлесное в Алешки идут пешком с 6 утра. Люди из других сел ждут автобусов на трассе, надеясь, что их заберут. Многие с кошками, собаками. Волонтеры привезли для них переноски. Эвакуация назначена на 10 утра. Нужно зарегистрироваться. Тем, кто едет в Россию, — возле киоска на улице Надольской, тем, кто в Украину, — на входе в больницу. Автобусы задерживаются. Их должно быть 25 на 750 мест. Раненных повезут на скорых. Льет дождь. Люди стоят под ним больше часа. У кого есть зонтики, укрываются под ними, кто-то накрывается пакетами. Но почти все промокают насквозь, когда пора садиться в автобусы. Родственники лежачих и маломобильных стариков надеются, что к ним придут и**

заберут из дома.